

Чжун Минхэ был любимым сыном своего отца-императора, но это было семнадцать лет назад, когда его мать, наложница Ань, была еще жива, а император еще не скончался.

Наложница Ань была самой любимой из жен императора. Тот желал осыпать её всеми земными благами, даже даровал ей право на покои, предназначенные исключительно для императрицы, чем вызвал жгучую зависть у всех женщин гарема. Попытки навредить ей не прекращались ни на миг.

Но никому из них это не удалось. Более того, под защитой императора наложница Ань благополучно родила маленького принца — пятого принца Чжун Минхэ.

Любовь императора к ней не знала границ: он воздвиг для крошечного младенца огромный Золотой Дворец, наполненный неисчислимыми сокровищами. В порыве сильных чувств, однажды ночью, император сказал ей: «Когда Минхэ подрастёт, он станет наследным принцем».

Эти слова разлетелись по дворцу. Императрица, которая никогда не считала наложницу Ань соперницей, ощутила угрозу. Одно дело, если император просто привязан к женщине, но совсем другое — покушение на права её сына на престол.

Императрицу оклеветали, обвинив в связи со стражником, а её младенца называли бастардом. Император пришел в ярость, но всё же лишь заключил наложницу Ань под стражу, чтобы тщательно во всем разобраться. Однако та не вынесла позора и покончила с собой, чтобы доказать свою чистоту, моля лишь об одном — чтобы её двухлетнего сына Чжун Минхэ не обижали.

Позже император выяснил правду и вернул честное имя наложнице Ань и маленькому принцу, но любимую женщину было уже не вернуть. Он тяжело заболел и так и не смог оправиться.

Зная, что жить ему осталось недолго и воцарение наследного принца — лишь вопрос времени, император больше всего беспокоился о Чжун Минхэ. Он понимал, что императрица и наследник ненавидят мать и сына до глубины души и после его смерти не пощадят двухлетнего малыша.

Император издал указ, даровав Чжун Минхэ титул ван Мин, выделив три тысячи дворов в качестве удела, тщательно отобрал верных слуг и доблестных воинов для личной охраны, а также пожаловал золотую пластину, дарующую прощение смерти, чтобы обеспечить ему безбедное существование.

Император продумал всё до мелочей, но не смог предусмотреть козней злодеев.

После смерти императора наследный принц взошел на трон, а императрица стала вдовствующей императрицей. Первым же делом они решили избавиться от бельма на глазу — Чжун Минхэ. Однако его окружала верная стража, а при дворе нашлись те, кто открыто

выразил недовольство, поэтому им пришлось отступить.

Позже, когда вдовствующая императрица скончалась от болезни, ненависть нового императора к брату утихла. Решив, что у того и так мозги повреждены, он махнул на него рукой, позволив самому заботиться о своей судьбе.

Но за эти три года из-за покушений вдовствующей императрицы люди вокруг Чжун Минхэ либо погибли, либо были подкуплены. В конце концов, при нем остались лишь старый евнух Ли да мальчишка-стражник. Пятилетний Чжун Минхэ стал сущим бедняком.

Без покровительства, с пустым титулом ван Мин, будучи совсем ребенком, он вызывал лишь неприязнь нового императора. Окружающие, как один, были людьми алчными: относились к принцу из рук вон плохо, выплаты с его удела то задерживали, то вовсе прекращали. Зимой ему не хватало угля, чтобы согреться, руки покрылись язвами, и выживал он только благодаря тому, что евнух Ли научил его шить и чинить одежду.

Евнух Ли пытался добиться справедливости, но, не имея ни власти, ни связей, был с позором изгнан.

Маленький Чжун Минхэ, видя, как избивали верного ему человека, хотел было броситься в драку, но евнух Ли удержал его: — Мы не можем тягаться с ними, нам остается только смириться.

Так они смирялись больше десяти лет. Порой принц приходил на банкеты, чтобы хоть что-то поесть, и его не только унижали, но и могли покалечить. Но ему было всё равно — лишь бы набить желудок.

Так вышло и в этот раз, когда устроили пышные похороны императора. Чжун Минхэ не питал нежных чувств к этому старшему брату, но пришел, ведомый голодом.

Кто бы мог подумать, что он не только останется без еды, но и странным образом окажется выбранным в императоры.

Чжун Минхэ стоял у дверей сурового Зала Совета, его ноги дрожали. Он с силой похлопал себя по щекам, стараясь успокоиться, но войти не решался: — Евнух... Евнух Ли, ты ведь не ослышался? А вдруг... вдруг меня заманят внутрь и убьют?

Ему было очень страшно. Несмотря на тяжелую жизнь, умирать так рано он не хотел.

— Нет, ваше высочество, я не ослышался. Скорее входите, — евнух Ли покрылся холодным потом, боясь, что удача ускользнет сквозь пальцы, и подтолкнул своего подопечного вперед. — Станете императором — не будете больше голодать и мерзнуть.

Чжун Минхэ все еще не решался, и в суматохе, пытаясь удержаться, он случайно навалился на

двери. Те с грохотом распахнулись, и принц кубарем влетел внутрь, проскользив по гладкому полу.

Разговоры в зале мгновенно смолкли. Наступила такая тишина, что Чжун Минхэ мог слышать собственное дыхание.

Чжоу Цзици поднял глаза и увидел фигуру в грязновато-белых одеждах, сжавшуюся в комок. Принц замер, не решаясь поднять голову. Евнух Ли поспешил внутрь и помог своему господину подняться.

Поняв, что деваться некуда, Чжун Минхэ робко поднял взгляд. Его личико было бледным, нос покраснел от холода, на губах остались следы османтусового меда, а крошечный сухой цветочек прилип к уголку рта. Его большие, выразительные глаза, похожие на лесных духов, тревожно озирались по сторонам.

В зале стояло множество стражников с холодным оружием; их лица напоминали застывшие ледяные маски. Чжун Минхэ быстро отвел взгляд, но внезапно столкнулся с глазами Чжоу Цзици. Испугавшись, он тут же опустил голову и начал нервно тереть край своей одежды покрасневшими от обморожения пальцами.

Евнух Ли, дрожа от страха, бухнулся на колени и потянул за рукав Чжун Минхэ. Тот, не понимая, в чем дело, покорно опустился рядом. Тогда евнух Ли громко провозгласил: — Его высочество ван Мин прибыл!

Все сановники повернулись к дрожащему на полу принцу. Многие хмурились, считая его позором: никакой императорской стати, никакой воли. Они не желали признавать такого правителя, а некоторые, видя его нелепое появление, даже не удержались от смешка.

Чжун Минхэ понял, что стал посмешищем, и опустил голову еще ниже.

Однако Чжоу Цзици не засмеялся. Он лишь бросил косой взгляд на того, кто позволил себе смех. Этот взгляд был подобен взору демона, вышедшего из преисподней, чтобы пожирать души. Тот человек от страха чуть не рухнул на пол.

Чжоу Цзици поднялся, шаг за шагом спустился с помоста и с благоговением склонился, помогая Чжун Минхэ подняться.

Увидев язвы на руках принца, он на мгновение сжал сердце от жалости, но быстро скрыл эмоции. Он аккуратно отряхнул пыль с его коленей, взял за руку и повел сквозь ряды чиновников, по золотым плитам с узором дракона, прямо к высокому трону.

Идя, он негромко произнес: — Отныне вы — император, властелин Поднебесной. Вы бесконечно величественны. Вы можете преклонить колени перед Небом и Землей, но не

должны склоняться ни перед каким «человеком». Никто в мире не достоин вашего коленопреклонения.

Как только слова стихли, все присутствующие опустились на колени, в едином порыве воскликнув: — Да здравствует Император! Десять тысяч лет!

Голоса слились в оглушительный гул. Они понимали, что Чжоу Цзици утверждает власть нового императора. Какими бы ни были его истинные мотивы, он ясно дал понять: Чжун Минхэ — новый владыка.

Чжун Минхэ еще не успел осознать смысл криков, как Чжоу Цзици усадил его на трон.

Что именно говорил после Чжоу Цзици, он не расслышал, до него долетали лишь обрывки слов — новый император, Регент. Он чувствовал себя ребенком, которого заставляют выступать на празднике: растерянный, не понимающий, что происходит.

Но тут, среди толпы коленопреклоненных, он заметил того самого человека, который унижал его на банкетах. Когда-то тот заставлял его стоять на коленях, а теперь, не сделав ровным счетом ничего, он сам стоит на коленях перед ним.

Хе, а это даже приятно.

Чжун Минхэ, обрадовавшись, нечаянно хихикнул. Зал вновь погрузился в тишину, и на него уставились, как на дурачка.

— Ваше Величество, есть ли у вас возражения? — спросил Чжоу Цзици.

Внезапно упомянутый принц вздрогнул, сжал кулаки и неуверенно произнес: — Н-нет... никаких возражений. Во всем буду... буду слушать Регента.

— Хорошо. Тогда через десять дней состоится церемония воцарения!

Услышав это, евнух Ли, стоявший на коленях, с облегчением выдохнул. Наконец-то их страдания закончились.

Потом происходило что-то еще, но Чжун Минхэ, который так и не поел, был совсем дезориентирован. Больше он ничего не запомнил, и вскоре евнух Ли увел его прочь.

Их привели в роскошный дворец, но Чжун Минхэ не обращал внимания на красоту. Он хотел есть. К счастью, во дворец принесли изысканные яства, и он с жадностью съел три большие чаши — никогда еще он не был так сыт.

Видя это, евнух Ли, боясь, что принцу станет плохо, сварил на маленькой кухне отвар для пищеварения.

— Ваше высочество, выпейте отвара, чтобы живот не болел, — евнух Ли еще не привык называть хозяина Ваше Величество, да и церемония еще не состоялась, поэтому не решался.

Чжун Минхэ отмахнулся, с довольным видом поглаживая свой округлившийся живот: — Ничего, я не переел, я бы еще съел.

Впервые в жизни он был сыт, и ему не хотелось, чтобы это чувство так быстро проходило.

Чжун Минхэ перевернулся на кровати и, моргая своими ясными глазами, спросил: — Евнух, теперь, когда я стал императором, никто больше не посмеет меня обидеть?

— Да, ваше высочество, теперь вы самый главный, никто не посмеет вас тронуть, — Ли Дэли растирал ноги принца, которые сильно устали за день.

— Но этот Чжоу Цзицзи... он такой страшный. Я не могу понять, чего он хочет. Почему он помог мне стать императором? С его средствами не проще ли было сесть на трон самому? Ой!

Евнух Ли поспешно прикрыл рот Чжун Минхэ и испуганно огляделся, боясь, что кто-то подслушивает.

— Ваше высочество, это не наш дом, нельзя так болтать. Если кто услышит, головы не сносить!

Чжун Минхэ убрал руку евнуха и недовольно проворчал: — Но ты ведь только что сказал, что теперь меня никто не обидит.

— Э-э... это другое дело. Регент — человек особенный. Вам лучше быть послушным, иначе разгневанный Регент — это плохо.

Чжоу Цзицзи славился своей жестокостью, от которой даже трехлетние дети начинали рыдать в три ручья.

— Правда? — Чжун Минхэ засомневался и пробормотал: — Но ведь он возвел меня на трон, значит, не собирается просто так меня убивать, иначе зачем было городить огород?

— Что вы сказали, ваше высочество? — Ли Дэли не расслышал и переспросил.

— Ни... ничего, — Чжун Минхэ беспорядочно замотал головой.

Эту ночь Чжун Минхэ провел в Зале Чундэ, личных покоях императора Даюань. Снаружи дежурили стражники, евнухи и служанки — стоило ему только пискнуть, как всё тут же исполнялось. С ним обращались как с величайшей ценностью.

Ли Дэли думал, что принц не сможет уснуть в незнакомом месте, ведь он не привык расставаться со своей маленькой кроватью и куклой, с которой не расставался с детства.

Но Чжун Минхэ мгновенно уснул крепким сном. Лишь Ли Дэли не находил себе места, боясь, что кто-то проберется к его маленькому принцу. Он просидел у кровати всю ночь, но под утро всё же не выдержал и задремал.

Глубокой ночью двери покоев бесшумно открылись. Ни стража, ни Ли Дэли, дремлющий у кровати, ничего не заметили.

Высокая темная тень подошла к пологу кровати и замерла, глядя на сладко спящего ребенка. Взгляд мужчины упал на руки принца, покрытые ужасными язвами. Сострадание в его глазах невозможно было описать словами.

Чжоу Цзицзи осторожно взял его за запястье. Рука, привыкшая держать меч, двигалась так нежно, словно боялась сломать тонкую кость.

— Почему ты не используешь лекарство, которое я тебе дал? Руки ведь совсем сгнили, — тихо прошептал он.

Мужчина достал из-за пазухи белый фарфоровый пузырек, зачерпнул густую мазь и бережно нанес на язвы, касаясь кожи с такой нежностью, словно работал с величайшей сокровищницей мира.

Чжун Минхэ дернулся, словно почувствовав боль. Чжоу Цзицзи поспешно подул на рану, чтобы облегчить страдания, и принц успокоился, погрузившись в сладкий сон, лишь изредка что-то лепеча.

Чжоу Цзицзи склонился ниже и расслышал слова: «Османтусовое печенье». Он беспомощно покачал головой и едва заметно улыбнулся: — Маленький сладкоежка.

<http://bllate.org/book/21172/2144760>